

Научная статья
УДК 342.3
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-2-37-42>

Концепция внешней политики Российской Федерации — правовая интерпретация евразийской идеологии

Парилов Олег Викторович

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, Нижний Новгород, Россия, olegparilov@yandex.ru, <https://doi.org/0000-0001-9288-3194>

Аннотация. Утвержденная 31 марта 2023 года Концепция внешней политики Российской Федерации явилась юридическим оформлением и закреплением кардинального обновления внешнеполитического курса нашей страны. Базовые положения документа представляют собой рецепцию социально-философских установок классического евразийства: Россия — суверенное евразийское, евро-тихоокеанское государство-цивилизация, обладающее колоссальным интегративным потенциалом, самобытной культурой; она — самодостаточный центр силы со своими глобальными и локальными целями; у России — историческая миссия противодействия западной гегемонии, поддержания глобального баланса сил и построения многополярного мира. Утверждаются приоритеты: сотрудничества нашей страны с незападными цивилизациями — самостоятельными центрами силы, сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей и культурного наследия, защиты Русского мира внутри страны и за ее пределами. Западная и российская культуры в метафизических основаниях чужды друг другу. Западная цивилизация, дискредитирующая общечеловеческие ценности, права человека, утратила моральные основания для мировой гегемонии. Сотрудничество с Западом возможно лишь на условии его отказа от враждебного отношения к России. Концепция внешней политики Российской Федерации подтверждает жизненность и актуальность евразийской доктрины, необходимость учета консервативной социально-философской, правовой мысли прошлого в определении внутри- и внешнеполитического курса.

Ключевые слова: правовое закрепление внешней политики, доктрина евразийства, Русский мир, Россия и Запад

Для цитирования: Парилов О. В. Концепция внешней политики Российской Федерации — правовая интерпретация евразийской идеологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (62). С. 37—42. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-2-37-42>.

Original article

The concept of foreign policy of the Russian Federation — manifesto of the social philosophy of Eurasianism

Oleg V. Parilov

The Volga Region branch of The Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russian Federation, olegparilov@yandex.ru, <https://doi.org/0000-0001-9288-3194>

Abstract. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation, approved on March 31, 2023, was the legal formalization and consolidation of a radical renewal of the foreign policy of our country. The basic provisions of the document are the reception of the socio-philosophical principles of classical Eurasianism: Russia is a sovereign Eurasian, Euro-Pacific state-civilization with a colossal integrative potential, a distinctive culture; it is a self-sufficient center of power with its own global and local goals; Russia has a historic mission of countering Western hegemony, maintaining the global balance of power and building a multipolar world. Priorities are being affirmed: cooperation of our country with non-Western civilizations — independent centers of power, preservation of traditional spiritual and moral values and cultural heritage, protection of the Russian world within the country and beyond its borders. Western and Russian cultures are alien to each other on metaphysical grounds. Western civilization, which discredits universal human values and human rights, has lost the moral foundations for world hegemony. Cooperation with the West is possible only on condition that it renounces its hostile attitude towards Russia. The concept of the foreign policy of the Russian Federation confirms the vitality and relevance of the Eurasian doctrine, the need to take into account the conservative socio-philosophical, legal thought of the past in determining the domestic and foreign policy.

© Парилов О. В., 2023

Keywords: legal consolidation of foreign policy, the doctrine of Eurasianism, the Russian world, Russia and the West

For citation: Parilov O. V. The concept of foreign policy of the Russian Federation — manifesto of the social philosophy of Eurasianism. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 2 (62), pp. 37—42. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-2-37-42>.

Принятая 31 марта 2023 года Концепция внешней политики Российской Федерации есть радикальный поворот в современной внешней политике нашего государства. Вместе с тем многие ее ключевые идеи еще сто лет назад высказывали русские философы — евразийцы. Очевидно, что из всех отечественных социально-философских, философско-политических доктрин прошлого евразийская оказалась самой жизненной, актуальной. Не случайно лидер современного евразийства А. Г. Дугин дал ей чрезвычайно высокую оценку: «Полноценная... программа действий великой суверенной континентальной державы», «финальный аккорд трансформации геополитического и цивилизационного сознания нашей власти» [1]. А. Г. Дугин также отмечает евразийскую интерпретацию цивилизационного развития России.

Путь самобытного государства-цивилизации. Базовое положение Концепции отражает суть евразийской философии — Россия позиционируется как «самобытное, суверенное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава» [2, с. 98]. Как известно, евразийцы трактовали Россию не просто страной в числе других и не «социо-исторической комбинацией Европы и Азии» [3, т. 1, с. 223], но как уникальную цивилизацию — Россию — Евразию, самобытный лик которой и колоссальный интегративный потенциал оформились путем взаимодействия лесной и степной зон, а также неповторимой этнической спецификой [3, т. 1].

Согласно Концепции социально-историческим, духовым основанием для утверждения России в ее цивилизационном статусе служит богатое культурное наследие прошлых эпох. Евразийцы точно так же делали акцент на культурной специфике России — Евразии, считая евразийскую культуру совершенно особой, не менее ценной, чем европейская и азиатские. Так, Н. Трубецкой противопоставлял ее культурам Европы и Азии в качестве срединной: «Мы должны, — писал он, — осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими» [4, с. 375]. Само государство, по убеждению Л. Карсавина, служит «для того, чтобы наилучшим... образом осуществилась идея культуры» [5, с. 131].

Основаниями для утверждения Евразийской самобытной цивилизации, согласно Концепции,

также являются: опыт построения независимой государственности в течение более тысячелетней истории, но главное (это также базовая евразийская идея) — способность обеспечить гармоничное существование представителей разных народов, культур, вероисповеданий; сформировавшиеся глубокие связи с традиционными культурами Евразийского континента [2, с. 98]. Евразийцы, в частности, считали, что культурный синтез русского этноса с туранскими является позитивным базисом развития Евразийской цивилизации [5]. Подобный взгляд является альтернативным западному глобализму, разрушительной стратегии однополярности. Ушли в прошлое имевшие место в предыдущих Концепциях внешней политики двусмысленности (добиваться суверенитета и одновременно искать компромиссы с Западом), иллюзии построения единого пространства от Лиссабона до Владивостока, контрпродуктивные стремления во что бы то ни стало встраиваться в сообщества (западное или глобальное). Отныне Россия никуда не встраивается, у нее свои духовные ценностные, геополитические ориентиры, уникальная идентичность, свой особый путь и свои глобальные и локальные цели. Она — самодостаточный центр силы в мировом геополитическом раскладе.

Пятый пункт Концепции транслирует стратегические цели: утверждение России-Евразии как суверенного центра мирового развития, защита собственной идентичности и права на особый путь любыми средствами. Данные цели сочетаются с глобальной сверхзадачей нашей страны — противодействие западной гегемонии, как это делали сто лет назад евразийцы: П. Н. Савицкий отрицал «абсолютность новейшей европейской... культуры, ее претензию завершать все доселе протекавшие процессы культурной эволюции мира» [3, т. 1, с. 221]. Россия, согласно Концепции, претендует на всемирную миссию «поддержания глобального баланса сил, выстраивания многополярной международной системы на принципах справедливости, взаимного уважительного отношения к базовым цивилизационным ценностям всех народов» [2, с. 98]. Наша страна осознает собственную ответственность за мир и безопасность как на региональном уровне, так и в глобальном масштабе, что коррелирует с русской национальной

идеей в евразийском ключе. В данном контексте неоевразийство трактует Россию как «социокультурный полюс, привлекающий остальные государства к цивилизационному противостоянию Атлантизму Запада» [6, с. 23].

Концепция утверждает приоритет духовной, культурной составляющей в утверждении и укреплении Российской цивилизации: в числе национальных интересов доминантное значение придается защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей и сохранению культурного исторического наследия не только русского народа, но иных народов нашей многонациональной страны, противодействию русофобии и повышению имиджа российской культуры, науки, образования, искусства в мире, защите русского языка как языка международного общения. Наряду с защитой традиционных для России конфессий, приоритетное значение придается Русской православной церкви. Подобная установка также коррелирует с евразийством. Евразийцы связывали будущее России с возрождением православия. «Сознательно религиозную, православную» идеологию они определяли как «евразийско-русскую» [4, с. 395].

В Концепции также ставится цель формирования единого гуманитарного пространства со странами СНГ, укрепления цивилизационных и духовных связей русского народа с народами наших стран [2, с. 110].

Русский мир. Наша страна утверждается в качестве ядра культурно-цивилизационной общности Русского мира. Концепт «Русский мир» не сводится лишь к русскому этносу, еще классические евразийцы писали о необходимости всячески способствовать «развитию и расцвету отдельных национальных культурных областей» и призывали пресекать нездоровые тенденции «безумного русификаторства» [4, с. 396]. Согласно Концепции Русский мир охватывает все народы многонациональной России, живущие одной цивилизационной судьбой. При этом в Концепции именно за русским народом признается главная роль в интеграции всех народов и конфессий России, оформлении Российского государства. Собственно, и сам «национальный русский тип», как утверждали еще сто лет назад евразийцы, оформился в результате культурного синтеза русского и азиатских этносов: «добровольной, мирной русификацией туранцев (народов урало-алтайской группы) и туранизацией русских. Именно поэтому русские — не европейцы и не азиаты, а евразийцы» [3, т. 1, с. 223].

Но Русский мир находится и за пределами государственных границ — везде, где живут носители русского национально-культурного кода. Россия берет на себя обязательство защищать Русский мир и за пределами государственных границ. Этим, в частности, объясняется проведение СВО на Украине. Поддержка и содействие консолидации наших соотечественников за рубежом, поощрение их переселения в Россию в особенности тех, кто подвергся преследованиям со стороны властей недружественных государств [2, с. 111—112], — это принципиально новая страница нашей истории, по сравнению с девяностыми—нулевыми, когда наши соотечественники практически были брошены на произвол судьбы за рубежом. Концепция утверждает необходимость противодействовать «русофобии, развязанной недружественными государствами» [2, с. 111].

Приоритеты сотрудничества. В Концепции нет былого конформизма, стремления трактовать иные цивилизации и страны априори своими друзьями и партнерами. Отныне цивилизации и государства группируются в три блока, исходя из характера отношения к России: «конструктивного, нейтрального или недружественного» [2, с. 98]. Разумеется, приоритет в сотрудничестве отдается государствам первых двух блоков. Выстраивая список приоритетов взаимодействия с иными странами, цивилизациями, Концепция опирается на базовую идею евразийцев — продуктивности сотрудничества, прежде всего, с цивилизациями незападными. В списке приоритетов на первом месте стоят страны ближнего зарубежья. Положительным моментом является возвращение в политический обиход терминов «ближнее зарубежье», «СНГ». В предыдущие десятилетия под влиянием США эти вполне определенные термины были заменены безликим «постсоветским пространством». Сотрудничество со странами СНГ трактуется как необходимое условие утверждения России в качестве одного из суверенных центров общемирового развития. Для этого Россия берет на себя роль регулятора межнациональных конфликтов в ближнем зарубежье, силы, пресекающей цветные революции. Россия также претендует на ключевую роль в деле сохранения и укрепления региональной безопасности в рамках Организации договора о коллективной безопасности и других форматов. Особое внимание уделено тесному взаимодействию с Республикой Беларусь, а также со странами Центрально-Азиатского региона. В перспективе планируется «формирование интегрированного экономического,

политического пространства Евразии» [2, с. 113]. Верно в этой связи Ж. Т. Урманбетов трактует евразийство в качестве идеологического, культурно-цивилизационного фундамента интеграции стран в рамках Евразийского экономического союза [7].

На втором месте приоритетов — Арктика. Третью позицию занимает Евразийский континент, и особое значение придается иным центрам силы, самобытным азиатским цивилизациям Китая и Индии. Сближение с этими государствами видится перспективным в силу того, что они являются мощными цивилизационными самостоятельными центрами, дружественными по отношению к России. Подчеркивается, что наши взгляды на будущее мироустройство и решение важнейших задач мировой политики совпадают [2, с. 114]. Предполагается дальнейшее укрепление связей между евразийскими государствами в рамках ЕАЭС, ШОС, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Цель — формирование «широкого интеграционного контура — Большого Евразийского партнерства» [2, с. 115]. Подобная установка опять-таки актуализирует пророчества евразийцев, которые еще сто лет назад отмечали преимущества сотрудничества с мощными незападными (прежде всего, азиатскими) цивилизациями, с которыми у России много общего: «сознание примата религии», скептическое отношение к «внешнему блеску техники», но, главное, общие цели сохранения национальной самобытности, построения многополярного мира и противодействия Западной экспансии: «И в Азии не верят в единственность европейской культуры, европеизуясь лишь для борьбы с Европой за свою независимость» [4, с. 402].

Четвертое место в Концепции отведено государствам Азиатско-тихоокеанского региона. Пятое место занял исламский мир и, прежде всего, Иран, Сирия, Турция, Саудовская Аравия, Египет. На шестой позиции — Африка, затем — Латинская Америка и страны Карибского бассейна. Европейскому региону, США и другим англосаксонским государствам в Концепции отведены, соответственно, восьмое и девятое места. На десятом месте — Антарктика.

Россия и Запад. На начальном этапе постсоветской истории Россия переживала очередной пик западного соблазна. Концепция внешней политики 1993 года ярко продемонстрировала иллюзорный, неадекватный взгляд на западную цивилизацию и ее подлинное отношение к нашей стране. Авторы этой Концепции констатировали отсутствие угрозы полномасштабного

военного столкновения России с Западом, были убеждены в том, что конфронтация с Европой и США с крушением СССР в конце концов пришла к своему логическому завершению. Ставилась цель сопоставления военных доктрин России и ее «главного партнера» — США, исходя из того, что «страны более не рассматривают друг друга в качестве военных противников» [2, с. 13]. В военной политике во главу угла ставились принципы «открытости» и «доверия в рамках СБСЕ» [2, с. 13]. Три десятилетия понадобилось для того, чтобы избавиться от западных иллюзий. Хотя не только евразийцы в 20-е годы XX века, но и их духовные предтечи — консервативные авторы XIX столетия (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев) [8] предупреждали: позитивное сотрудничество России с Западом вряд ли возможно. Евразийцы оценивали западное влияние на Россию крайне негативно, как романо-германское иго. Унизительная стратегия «европейничанья» для нашей страны, по их убеждению, была бесперспективна, так как в глубинных — религиозных — основаниях Россия и Запад чужды друг другу. Развенчивая необоснованные гегемонистские претензии Запада, евразийцы протестовали против выставления «новейшей европейской культуры» в качестве «завершения всего доселе протекавшего процесса культурной эволюции мира» [3, т. 1, с. 221]. Запад не заинтересован в сильной России потому, что это противоречит его претензии на мировое влияние.

Современная Концепция внешней политики Российской Федерации актуализирует приведенные выше евразийские установки начала прошлого века. В шкале приоритетов сотрудничества западная цивилизация с передовых позиций в 1993 году спустя тридцать лет «скатилась» на предпоследнее место, опередив лишь Антарктику. Согласно Концепции 2023 года, США, европейские страны и их союзники входят в третий блок недружественных государств. Концепция недвусмысленно свидетельствует о том, что Россия больше не считает себя частью западного мира. Европе отныне отводится место не центра Вселенной, но периферийной «части Евразии» [2, с. 118]. С одной стороны, в Концепции утверждается, что Россия не является врагом Запада, но при этом недвусмысленно прочитывается, что вектор вражды направлен от Запада к России, и наша страна в своей внешней политике опирается на этот очевидный факт. Констатируется агрессивная политика большинства европейских государств по отношению к Российской Федерации: создают

угрозу безопасности и суверенитету России, стремятся получить односторонние экономические преимущества (на потребительское отношение Европы к России век назад указывали и евразийцы. Г. В. Флоровский был уверен, что смысл западного влияния на Россию заключается в «эксплуатации естественных богатств России, — сомнительно только, чтобы в интересах самой России» [9, с. 249]), препятствуют конструктивному сотрудничеству нашей страны с партнерами и союзниками [2, с. 117], но, главное, подрывают внутривосточную стабильность и размывают традиционные российские ценности. Пришло время построения многополярного мира еще и потому, что в XXI веке Запад окончательно утратил статус мирового лидера. Для этого у него нет ни экономического, ни тем более морального права. Четко и недвусмысленно говорится о том, что отныне глобализация и евроцентризм недопустимы, гегемония Запада ассоциируется с тотальной несправедливостью, неокOLONIALИЗМом, диктатом золотого миллиарда. Моральное фиаско Запада обусловлено утратой общечеловеческих ценностей. Но даже и те ценности, которые в прошлые десятилетия Запад навязывал всем иным цивилизациям в качестве абсолютных, в настоящее время сам же разрушает, грубо попирая «священную» частную собственность, права человека, гражданские свободы личности. На этот аспект в 20-е годы XX века также указывали евразийцы. Претензии Европы на статус абсолютного носителя прогресса, по убеждению П. Савицкого, беспочвенны, так как она «променяла небо на землю, научное и техническое совершенство купила... идеологическим и более всего религиозным оскудением» [3, т. 1, с. 224].

США, согласно Концепции, с одной стороны, позиционируется в качестве суверенного центра мирового развития, с другой — как ключевой фактор агрессивной антироссийской политики, источник основных рисков не только для России, но и всего человечества [2, с. 118].

Как известно, евразийцы надеялись на возможное возрождение Европы в будущем: «Покаяние Европы, возвращение... к подлинным христианским истокам... может ее спасти и открыть новые пути развития» [4, с. 401]. Точно так же и в современной Концепции выражается надежда на отказ европейских стран от конфронтации с Россией и на переход к политике добрососедства. Россия готова на сближение в том числе с США и иными англосаксонскими странами, если эти государства откажутся от антироссийского курса и «политики силового

доминирования» [2, с. 118]. По сути, это ультиматум.

Прав А. Г. Дугин, что для успешной реализации Концепции России предстоит провести внутривосточные реформы, поскольку внутренняя и внешняя политики теснейшим образом взаимосвязаны [1]. О необходимости внутривосточного самоочищения также столетиями говорили евразийцы. Это самоочищение они связывали с революцией, призванной способствовать «вымиранию западно-ориентированного, оторванного от народа правящего слоя» [4, с. 390]. Важным аспектом современного внутривосточного реформирования должны стать: консолидация и активизация национально-ориентированной, патриотической элиты и отстранение от властных рычагов вскормленной девяностыми годами элиты компрадорской, прозападно-либеральной.

Таким образом, намеченный нашей страной внешнеполитический курс во многих аспектах коррелирует с социально-философскими установками классического евразийства, что лишний раз свидетельствует об актуальности отечественной консервативной мысли прошлого.

Список источников

1. Дугин А. Г. Директива Дугина: Концепция внешней политики, как апофеоз многополярности и катехизис суверенитета. URL: https://nn.tsargrad.tv/articles/direktiva-dugina-koncepcija-vneshnej-politiki-kak-apofeoz-mnogopoljarnosti-i-katehizis-suvereniteta_757277 (дата обращения: 20.04.2023).
2. Концепции внешней политики РФ 1993—2023 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Б. изд., 2023. 122 с.
3. Савицкий П. Н. Евразийство // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: в 2 т. Москва: Искусство, 1994. Т. 1. С. 218—231.
4. Трубецкой Н. С. Пути Евразии. Москва: Русская книга, 1992. 427 с.
5. Карсавин Л. П. Основы политики // Мир России — Евразия: Антология. Москва: Высшая школа, 1995. С. 174—244.
6. Щербаков И. М. Идея России как самобытной цивилизации: международно-политический анализ классического евразийства и постсоветского неоевразийства // Русская политология — Russian political science. 2021. № 2 (19). С. 18—25.
7. Урманбетов Ж. Т. Евразийство как идеологический фундамент интеграции Евразийского экономического союза // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2020. № 11. С. 180—184.
8. Парильов О. В. Типологические особенности старообрядчества и славянофильства и их значение в развитии русского национального самосознания: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2000. 180 с.

9. Флоровский Г. В. О патриотизме праведном и греховном // На путях. Утверждение евразийцев. Москва — Берлин: Геликон, 1922. С. 230—293.

References

1. Dugin A. G. Dugin's directive: The concept of foreign policy as the apotheosis of multipolarity and the catechism of sovereignty. URL: https://nn.tsargrad.tv/articles/direktiva-dugina-koncepcija-vneshnej-politiki-kak-apofeoz-mnogopoljarnosti-i-katehizis-suvereniteta_757277 (accessed 20.04.2023). (In Russ.)

2. Concepts of the foreign policy of the Russian Federation 1993—2023 / ed. by D. V. Kuznecov. Blagoveshchensk: B. izd. Publ., 2023. 122 p. (In Russ.)

3. Savickij P. N. Eurasianism. *Russian idea. In the circle of writers and thinkers of the Russian diaspora* (Vols. 1—2). Vol. 1. Moscow: Iskustvo Publ., 1994, pp. 218—231. (In Russ.)

4. Trubeckoj N. S. Ways of Eurasia. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1992, 427 p. (In Russ.)

5. Karsavin L. P. Policy Basics. World of Russia — Eurasia: An Anthology. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1995. Pp. 174—244. (In Russ.)

6. Shcherbakov I. M. The idea of Russia as a distinctive civilization: an international political analysis of classical Eurasianism and post-Soviet neo-Eurasianism. *Russkaya politologiya — Russian political science*, 2021, no. 2 (19), pp. 18—25. (In Russ.)

7. Urmanbetov Zh. T. Eurasianism as an ideological foundation for the integration of the Eurasian Economic Union. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavyanskogo universiteta*, 2020, no. 11, pp. 180—184. (In Russ.)

8. Parilov O. V. Typological features of the Old Believers and Slavophilism and their significance in the development of Russian national identity. Dissertation... candidate of philosophical sciences. Nizhny Novgorod, 2000, 180 p. (In Russ.)

9. Florovskij G. V. About righteous and sinful patriotism. *On the way. The approval of the Eurasians*. Moscow—Berlin: Gelikon Publ., 1922. Pp. 230—293. (In Russ.)

Информация об авторе

О. В. Парилев — доктор философских наук, профессор.

Information about the author

O. V. Parilov — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 05.06.2023.